

ЮБИЛЕЙ

Свобода — моя религия

Культура, — 2003, — 27 нояб. — 3 дек. — с. 5 Александр Н. Яковлеву — 80

2 декабря академику Александру Николаевичу Яковлеву исполняется 80 лет. В новейшей политической и интеллектуальной истории России он сыграл беспрецедентную роль, которую, возможно, нам, его современникам, даже не дано оценить в полной мере. Александр Николаевич всегда пользовался исключительным уважением в среде творческой интеллигенции, которая ценила его за честность, прямоту, порядочность, мудрость и смелость, за поистине энциклопедическую широту общественных, научных, издательских интересов. Впрочем, об этом гораздо лучше скажут они сами. Мы предлагаем вам фрагменты из глав новой книги «Александр Яковлев: свобода — моя религия» (составители С. Филатов и В. Скоцкий, издательство «Вагриус»). Презентация этого уникального издания, которое создавали около 40 авторов, пройдет 28 ноября в Центральном Доме Литераторов.

Из мрака

Александр Николаевич Яковлев принадлежит к поколению, почти полностью истребленному на фронтах Великой Отечественной войны. Случилось, однако, так, что остатки этого горемычного поколения, опытные небывалой по трудности победы, оказались целиком во власти коварных иллюзий и на долгие годы стали бездумными апологетами власти, которую они защитили собственной кровью. Действительно — кровное братство. По прошествии более чем полувека после войны, после всех малых и больших потрясений, пережитых страной и миром, эти люди ничему не научились, ничего не усвоили и, как прежде, продолжают размахивать красными знаменами с изображением своего палача. Скорбное зрелище! И только немногие, очень немногие из них нашли в себе силы, отвагу и мудрость взглянуть на мир незамутненным взглядом, чтобы узреть истину.

Один из немногих — Александр Николаевич Яковлев, узревший эту истину, может, прежде других, а главное — понявший, где надо искать спасение.

В общем, это было не просто в прожнюю времена, да и ныне люди не любят горьких истин, им подавай лживые, но поощае. Среди воплей и ругани разгневанных соотечественников и ветеранов он не побоялся назвать зло его настоящим именем и соответственно изменить собственный взгляд на мир. То, за что его продолжают поносить верноподданные зла, есть как раз его гражданская и человеческая доблесть, пример героизма, сравнимый разве что с фронтовым броском на амбразуру. Так жить нельзя, сказал он себе однажды, и его услышали в мире. Он вселил надежду в ослабевшие «от долгого безверия души и пошатнувшую веру во зло среди своих недавних единоверцев, озлившись и оскорбившихся за принижение их кровавых кумиров. Это был отчаянно смелый шаг, тем более — принадлежавший человеку, гражданину и партийцу такого масштаба, разом отринувшему все. Многие не могли тогда взять себе в толк и до сих пор недоумевают: чего ему еще не хватало?

Не хватало Истины, Свободы и Правды. Для себя лично, но главное — для человечества, да и для самой Истины.

По-видимому, заярдающему да еще зашоренному сознанию этого не по-

нять. Те, для кого истина только в силе, а не в правде, того не поймут никогда.

Жаль только, что к числу последних относятся как раз те, кто, может, более других заслужили право на прозрение, да не воспользовались этим правом. Не захотели, не сумели — не все ли равно. Упустили историческую возможность, не последовали примеру, остались в плену бесплодных иллюзий.

Александр Николаевич Яковлев отверг зловонный туман вымороченных заблуждений и одним из первых указал путь из мрака. В том его непоколебимый нравственный и гражданский подвиг.

Многие лета в добром здравии, дорогой солдат, гражданин и человек!

Василь БЫКОВ
Прага

От редакции.

Этот текст Василия Быкова — последнее, что он успел написать перед своей кончиной. Горько подержав замысел сборника статей, очерков, эссе к 80-летию А.Н. Яковлева, он, будучи уже больным, охотно откликнулся на просьбу принять в нем участие.

Гражданин

Советская власть изгадила не только настоящее нашего народа, но и предала забвению его историю, разрушила русскую культуру, но и исковеркала русский язык. <...>

Мы превратились в страну без граждан. Это следовало не просто почувствовать, но только осознать, но и постичь. И главное в этом постижении было то, что стало ясно Александру Николаевичу Яковлеву при взгляде со Старой площади.

Страна, обладающая одной идеологией, не обладает идеологией вообще. Предписанная сверху, идеология обречена либо превратиться в некое подобие религии, либо в постулат. <...>

Угарный газ лжи, ненависти к инакомыслящим, подтасовок и откровенных подлогов накачивался сверху, из ЦК через обкомы, крайкомы и прочие системы бесконтрольной идеологической власти. Бессмысленная гонка вооружений привела к обнищанию народа и к нехватке продуктов, за которыми выстраивались длинные очереди. А давно известно, что очереди — лучшие университеты ироничного неприятия правящей власти.

А. Яковлев

Александру Николаевичу это было отлично известно. Мало того, ему был доступен анализ настроений в различных слоях советского народа, что и позволило ему сделать вывод: промедление в демократических реформах опасно неконтролируемым взрывом негодования раздраженных народных масс. И как только увешанное орденами правление Брежнева приказало долго жить, реформы стали повесткой завтрашнего дня. Андропов правил недолго, и новое правительство Горбачева впервые в большевистской России провело демократические выборы в Верховный Совет СССР. <...>

До сей поры слышу грохот генеральских сапог, пытавшихся заглушить первое выступление Александра Николаевича. И — заглушили. Но он выступил второй раз, он рассказал о Катынских расстрелах, воззвал к совести человеческой и чести офицерской и заставил не только слушать себя, но и принять резолюцию, осуждающую террор.

Боже мой, как мы торжествовали!

Александр Николаевич первым доказал нам, что «их» можно и должно побеждать.

Александр Николаевич упорно и целеустремленно проводил линию на демократизацию нашего общества, постепенно возвращая нам наше истинное имя Гражданин. Многие из того, чего по его инициативе мы добились, уже забылось, затерялось в бесчисленных поправках и указах, но гласность пока еще жива, хотя существует множество сил, которым она не угодна. И нам следует сбереечь ее во что бы то ни стало.

Борис ВАСИЛЬЕВ

Самородок

Признаюсь, вначале я хотел дать этой заметке название «Золотой самородок», но все же счел это несколько претенциозным. Дело, конечно, не в названии, а в том, что Александр Николаевич Яковлев действительно редкое и самобытное явление, фигура очень большого масштаба, навечно вошедшая в ис-

ботал Сахаров вплоть до своей смерти, в частности, в период горьковской ссылки). А тут к тому же на Александра Николаевича со всех сторон «катились бочки». Вот рассказываю о нем одной академической даме, а она в ответ: да как же к нему можно относиться положительно, когда он основной организатор известного позорного процесса против Синявского и Даниэля? Пришлось заведя разговор на эту тему, выяснять, как же было дело. Оказывается, процесс организовали КГБ и Суслев. Последний попытался навесить это дело и на Александра Николаевича, но ему удалось уклониться, и он никакого участия в процессе не принимал и даже ни разу не посетил заседание «суда», о чем, кстати, жалеет — говорят, было интересно как демонстрация гнусности и глупости.

Конечно, знакомство с Александром Николаевичем не ограничивалось разговорами, я прочел его книги «По мощам и елей», «Крестосев» и, наконец, фундаментальную книгу «Омут памяти». Для меня не может быть и речи о каких-то сомнениях в искренности и правдивости Александра Николаевича. Собственно, было бы даже не вполне корректно об этом здесь упоминать, но я пишу, поскольку речь идет об очень важной проблеме — о доверии к людям и вместе с тем об их буквальной слепоте в целом ряде обстоятельств. Трудно было бы, да и неуместно здесь поспать в общине рассуждения. Поясно, о чем идет речь, на собственном примере.

Я вырос в семье старого инженера, еще дореволюционной, «штучной» продукции. Не было у нас ни одного знакомого большевика, никто из близких родственников или знакомых не «сидел». Отец был настроен критически к Советской власти, а я был типичным школьником, правда, не пионером, но и не сомневающимся в справедливости коммунистических идей и величии Ленина, а затем и Сталина. Даже и понять сейчас не могу, как нормальные люди были способны не видеть всей фальшивости и гнусности чудовищных процессов 1937 — 1938 годов. Но вот не понимали, верили (!). <...>

В «Омуте памяти» Александр Николаевич все это ярко и правдиво освещает на своем примере. Особенно сильное впечатление произвело на меня описание доклада Хрущева на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года. Так и видишь, как молча, потрясенные расхриделись партийные функционеры после доклада. Можно ли при этом удивляться слепоте людей, далеких от партийных кругов? <...>

Каким гигантом на этом фоне <...> выглядит выходец из бедной крестьянской семьи, инвалид войны, историк и политик Александр Николаевич Яковлев! Он больше, чем кто-либо другой, сделал для разоблачения коммунизма-большевизма, и в этом его огромная заслуга. <...> Будущее России будет светлым только в том случае, если демократия в стране укрепится и окончательно победит. <...>

Виталий ГИНЗБУРГ

Энергия жизни

Я дружил с Игорем Черноуцаном, а Игорь дружил с Александром Яковлевым. От Игоря я послушал восхищенных рассказов о своем друге. Оба они были ярославцы, оба фронтовики — не штабисты, а солдаты, оба после войны работали в ЦК. Игорь был человек восторженный, увлекающийся. У него Саша (Сашка) Яковлев предстал мыслителем, философом, правдолюбом, аналитиком. Цевковскую публику я не знал, но ясно было, что там таких не бывает и не может быть, потому как идеология наша в те годы неизлечимо страдала ложью, обманом. И сам Игорь, работая в Отделе культуры ЦК, мучался от постоянных компромиссов, бессилень был защитить таких писателей, как Твардовский, Яшин, Эренбург, Дудинцев, таких режиссеров, как Ромм, Козинцев, Тарковский, — словом, тех, кто составил славу советского искусства. Оборонял, как мог, от насюков софронных, кочетовых, грибачевых и прочих автоматчиков, так их величал Хрущев, «мои автоматчики». Они были сильнее, они пользовались поддержкой секретарей ЦК вроде Ильичева, Суслева. Я видел, как он страдал от своего бессилия. В конце концов это физически и психически стучило его. Он был для меня доказательством того, что аппарат ЦК непроизвольно отторгал и честность, и принципиальность. До поры до времени кто-то удерживался, но система была сильнее.

Конечно, оттепель действовала, время требовало нового мировоззрения, кое-что удавалось, но Отдел пропаганды, где Александр Яковлев был одним из руководителей, пребывал в железном футляре сулсовского большевизма, не ведающего сомнений. То, что мне рассказывал Игорь (да и не только он), создавало довольно типичный портрет того времени: человек умный, передовых взглядов, вынужден скрывать их, быть, как все, добываясь своего внутри точно очерченного круга. Мнение поколебалось, когда я впервые встретился с Александром Николаевичем, не помню уж по какому делу, в его кабинете на Старой площади. Этот человек располагал к себе какой-то простотой, натуральностью, из тех, кому не надо заботиться о произведенном впечатлении. Естественный, надежный человек из уже исчезающего к тому времени солдатского братства. Конечно, это утверждение не внушало особого доверия, тут все следовало делить на разы.

Но затем появилась знаменитая статья Александра Николаевича в «Литературной газете». Содержание ее достаточно известно, скажу лишь, что действие ее было взрывное — он одернул, и резко, националистов, и это приняли за новую установку ЦК. Однако не тут-то было — на него ополчились со всех сторон. <...> Все это достоинство опубликованной истории. Меня же поразило другое, то, что тогда рассказал мне Игорь Черноуцан. Оказывается, Александр Николаевич шел, как говорится, на повышение, его соборились выдвинуть ли заведомо, то ли секретарем по пропаганде. Зачем же он в такой момент под-

ставился, почему не переждал, зачем схватился с этой бандой? Затем, чтобы знали его взгляды, объяснил мне Игорь, хотел действовать в открытую: вот что он исповедует; угоден он такой — назначайте, он не собирается хитрить, маскироваться.

Признаюсь, подобная прямота в том, брежневском, аппарате была для меня откровением. Разумеется, его из ЦК аккуратно изъясали, услали послом в Канаду. Если все так и было (мотивы его поведения), то это и впрямь исключительный поступок в той жизни, почти лишенной Поступков.

Линия Яковлева воспринята была как враждебная, я видел, до чего он стоял поперек горла партийным ленинградским начальникам и как они торжествовали свою победу.

В горбачевское время мы встречались все чаще. Националисты продолжали считать Яковлева антипатриотом, клеветали на него, позволяли себе совершенно непристойные выходки. Старались выпянить: нет ли в нем чего-то нерусского, не инородец ли он какой-нибудь. Иногда терпение его лопалось, он называл эту публику шпаной, вернул в обращение хорошее слово тридцатых годов. Из членов горбачевского Политбюро он, пожалуй, был единственный, с кем считалась творческая интеллигенция. <...> Если многое удалось, как ни странно, несмотря на все препоны, несмотря на то, что со своими предложениями он оставался в меньшинстве. В нем сочетаются прямота и хитрость, хитрость эта солдатская, умеющая воевать и, если надо, выстоять.

Но, может, стоит вспомнить и то, что ему не удалось. Он рассказывал мне, как он пробовал убеждать Горбачева разделить компартию на две, был момент, когда это назрело, перед массовым выходом коммунистов из рядов КПСС. Могла появиться двухпартийная система, история, видимо, могла пойти по более спокойному, разумному варианту. Он трезвый, умный политик, может, мудрый, потому что мудрость — это не столько знание, сколько понимание. Война, которую он провел на передовой, учеба, дипломатическая работа, научная — все это соединилось в драгоценный жизненный опыт, неоценимый для руководителя страны.

Меня привлекает в нем человеческое. Качества этого обычно не хватает нашим руководителям. Александр Николаевич не обозлился, не разочаровался в людях, хотя имел на то основания. За последние годы, издавая одну за другой книги документов «Россия. XX век. Документы», он узнал столько горького и страшного о российской истории, как, может, никто.

Восемьдесят лет. После столь энергичной жизни — самая пора отдыхать, наслаждаться покоем и своей славой. Ничего подобного. Можно подумать, что скорость и энергия жизни Александра Николаевича возрастают. Какое счастье, что есть такой пример.

Даниил ГРАНИН
Санкт-Петербург
Фото ИТАР-ТАСС